

E. C. Отин

ОБ ИМЕНАХ И КЛИЧКАХ, ТОЖДЕСТВЕННЫХ ТОПОНИМАМ

В ономастике известны случаи наделения живых существ, обитающих вблизи или внутри каких-либо географических объектов (чаще рек), именами этих объектов без соответствующего суффиксального дооформления. Так, на севере А. Грандилевским отмечена «многоименность» семги — в зависимости от места ее вылова: *двина, кандалакша, мезень, пещера, кола, поньгама, умба* [1, 267]. В прошлом веке форель, вылавливаемая из реки Лошок, местными жителями аналогично именовалась *лошок* [2, 279]. Ср. еще название рыбы семейства карповых — *амур* (*белый амур, черный амур*), распространенной в р. Амур и ее притоках; *битюк* — название породы тяжеловесных лошадей, возникшей на берегах притока Дона с омонимичным названием, и т. д.

В антропонимии отмеченный выше ономасиологический узус привел к появлению кличек и прозвищ, точно повторяю-

щих форму топонима, например, в памятниках XVII—XVIII вв.: Иван *Самара* (1637 г.), Ивашка *Сал* (1647 г.), Андрей *Охтирка* (1745 г.), Иван *Бахмут* (1785 г.) и др. Все эти вторые личные имена — абсолютные топонимы в антропонимической функции — характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда они родом или откуда они пришли на новое поселение. С течением времени, став «главным членом в наименовании лица» [3, 30] и утратив причинную зависимость, они преобразовались в фамилии (ср. зафиксированные автором на юге Украины современные фамилии *Кальмус*, *Еланчик*, *Янчул*, *Ингул*, *Крым*). Носителем такого суффиксально непереоформленного, абсолютного топонима в антропонимической функции в редких случаях мог быть и целый коллектив переселенцев. Ср. хутор *Хопры* в бывшем Черкасском округе на правом берегу Мертвого Донца (сейчас железнодорожная станция Хопры), который был основан в 1740 г. выходцами из Новохоперской крепости — «с Хопра» [4, 197]. В перечне фамилий первых переселенцев антропоним *Хопер* не значится. Он возник как общее прозвище хуторян, данное им жителями соседних поселений. В данном случае типизирующее значение формы множественного числа антропонима совпало с топонимической функцией окончания *-ы*. По-видимому, такого же происхождения и повторяющийся на Украине ойконим *Самары* (pl.): с. *Самары* — в Ратневском районе Волынской области, в Чернухинском и Шишацком районах Полтавской области, с. *Самары-Ореховые* (укр. *Самари-Оріхові*) в Ратневском районе Волынской области¹. Ср. еще ойконим *Кременчуки* в Красилевском районе Хмельницкой области (коллективная кличка *Кременчуки* < ойконимом *Кременчук*).

Сложнее обстоит дело с русскими и украинскими зоонимами, структурно тождественными топонимам. П. П. Чучка приводит три такие клички (из собранных им 1500 имен) — кличку собаки и коровы *Тиса*, кличку коня *Дунай* (добавим, что в Северном Приазовье этот зооним известен и как кличка собаки, иногда в ласкательной форме *Дунайка*), кличку собаки *Дон* [5, 98]. Трудно сказать, что это: 1) реликтовое ли отражение когда-то прямых переходов гидронимов в зоонимы (со стершейся мотивацией типа «корова с берегов Тисы» и т. д.), 2) дальнейшая ли иррадиация гидронима в область зоонимии через промежуточное — антропонимическое состояние², или же 3) асемантичные звуковые комплексы, выбор

¹ Коллективная кличка *Самари* зарегистрирована летом 1969 г. в с. Воскресенка Великоновоселковского района Донецкой области (ее носители имели предка, переселившегося с берегов реки, протекающей вблизи Самары, или Самари).

² Ср. клички животных, являющиеся по происхождению уменьшительно-ласкательными формами полных личных имен: *Васька*, *Мацка*, *Борька* и т. д. Ср. еще: *Вова*, *Вовка*, *Вовенька* — кличка всякой собаки в ар-

которых для кличек никогда не был обусловлен какой-либо каузальной зависимостью.

От этого типа зоонимов следует отграничивать непереоформленные оттопонимические клички, в основе которых лежит традиционный инициальный принцип названия потомства лошадей на конных заводах, например: *Волга от Волосатого, Вишера от Внезапного, Дон от Добрыни, Дунай от Добрыни, Днепр от Добрыни, Москва от Ментика, Ладога от Летуна* и т. д. [6, 259—264; 7, 520, 526, 537].

Этнографии, изучающей в ряду других вопросов также историю перемещения населения внутри страны, могут служить полезную службу мотивированность клички, своеобразные «меченные атомы», обозначающие направление миграций.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Грандилевский, Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор, — «Сборник ОРЯС», т. XXXIII, № 5, СПб., 1907.
2. А. Н. Минх, Замедведицкий край до р. Карамыша, — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. 1, вып. 3, 1889.
3. Г. Я. Симина, Фамилия и прозвище, — сб. «Ономастика», М., 1969.
4. И. Сулин, Материалы к истории заселения Черкасского округа, — «Сборник Областного Войска Донского статистического комитета», вып. 8, Новочеркаск, 1908.
5. П. П. Чучка, Взаємозв'язки антропонімів та зоонімів Закарпаття з гідронімією Карпат, — «III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція. Тези», Київ, 1965.
6. «Заводская книга рысистых лошадей Хреновского государственного конского завода», сост. Н. Лодыгин, М., 1882.
7. «Хреновский завод», СПб., 1897.
8. «Словарь русских народных говоров», вып. IV, Л., 1969.
9. V. Kiparsky [прец. на M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*]. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXVI, Heft 1, Heidelberg, 1958.

хангельских говорах (состояние, промежуточное между зоонимом и апеллятивом, для графического выражения которого нужна «средняя» буква) [1, 113; 8, 328]. Иллюстрацией к этому может служить и собачья кличка *Барбос*, являющая собой редкий пример абсолютной и «необратимой зоонимизации личного имени»; по мнению В. Кипарского, она возникла из имени главного героя переводного старорусского романа «Барбос — разбойник гиппианский» [9, 32—34].